

Научная статья

УДК 811.1/.8

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-143

EDN: BLGXOT

Коммуникативная репрезентация безразличия (на примере словосочетания «ноль эмоций»)

Алексей Андреевич Штеба

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27

alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть один из аспектов нечеткой эмотивности, под которой предлагается понимать совокупность средств экспликации эмоций, выходящих за сформулированные в эмотиологии пределы, а именно реализацию формально эксплицируемого безразличия через выражение ноль эмоций, проследить за коммуникативной реализацией данного эмоционального состояния. Для достижения цели использовались специальные лингвистические методы контекстуального, дистрибутивного и дискурсивного анализа, позволяющие наблюдать за близким и дальним контекстами реализации анализируемого словосочетания. Любое знаковое образование не существует вне контекста, который конкретизирует семантику и создает ее. Контекст есть не только лексическое окружение слова, но и говорящий, вкладывающий определенное эмоционально-смысловое содержание в слова, которые функционируют в тексте. Показано, что словосочетание «ноль эмоций», представляющее собой знак деэмоционализации дискурса, является следствием характерной для современной коммуникативной среды сверхэмоционализации коммуникативного поведения, когда возникающее безразличие есть результат перенасыщения эмоциями, что анализируется через явление смежности бинарных оппозиций, характерных для языка и коммуникации. Словосочетание «ноль эмоций» вбирает в себя два коммуникативных намерения говорящего: рационализировать свои чувства и эксплицировать эмоциональное состояние. Функционирование словосочетания ноль эмоций показано на материале естественной и художественно моделируемой коммуникации. Словосочетание «ноль эмоций» представляет собой не отрицание эмоций, а совокупность эмоций, которые имеют определенный оценочный знак (положительный или отрицательный). Высказано предположение, что изменение последовательности элементов в словосочетании «ноль эмоций» используется в коммуникации для указания на эмоциональное состояние, активность которого настолько высока, что конвенциональные средства экспликации эмоций недостаточны.

Ключевые слова: эмотивность; нечеткая эмотивность; нечеткое множество; девербализация; десемантизация; деэмоционализация; сверхэмоционализация

Для цитирования: Штеба А. А. Коммуникативная репрезентация безразличия (на примере словосочетания «ноль эмоций») // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 143–150. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-143>. <https://elibrary.ru/BLGXOT>

Original article

Communicative representation of indifference (the example of the phrase «zero emotions»)

Alexei A. Shteba

Candidate of philological sciences, associate professor, department of romance philology, Volgograd state pedagogical university. 400066, Volgograd, V. I. Lenin avenue, 27

alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Abstract. The aim of the study is to examine one of the aspects of vague emotivity, which is understood as a set of means for expressing emotions that go beyond the boundaries defined in emotion studies, namely, the realization of formally explicated indifference through the expression ‘zero emotions’, and to observe the communicative realization of this emotional state. To achieve the goal, the author uses specialist linguistic methods of contextual, distributive and discourse analysis, which help to observe the near and far contexts with the phrase under study. Any semantic entity does not exist outside the context that concretizes and creates the meaning. The context is not only the lexical environment of the word, but also the speaker, who puts a certain emotional and semantic content into the words

functioning in the text. It is shown that ‘zero emotions’, which is a sign of discourse de-emotionalization, is a consequence of the over-emotionalization of communicative behavior in the modern communicative environment, when the arising indifference is the result of emotional oversaturation, which is analyzed through the phenomenon of binary opposition adjacency characteristic of language and communication. The phrase ‘zero emotions’ captures the speakers’ two communicative intentions: to rationalize their feelings and to explicate their emotional state. The phrase ‘zero emotions’ functioning is shown on the basis of natural and fictional modeled communication. ‘Zero emotions’ does not represent the negation of emotions, but a combination of emotions that have a certain evaluative sign (positive or negative). The author suggests that change in the sequence of elements in the word combination zero emotions is used in communication to indicate an emotional state, which is so intense that conventional means of expressing emotions are insufficient.

Key words: emotivity; vague emotivity; fuzzy set; deverbilization; desemantization; de-emotionalization; over-emotionalization

For citation: Shteba A. A. Communicative representation of indifference (the example of the phrase «zero emotions»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(4):143–150. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-143>. <https://elibrary.ru/BLGXOT>

Введение

Нечеткая эмотивность представляет собой парадигму, в которую включены все средства выражения, номинации и экспликации эмоциональных переживаний, которые не входят как самостоятельные элемент в конвенциональную типологию эмотивов в соответствии с положениями эмотиологии, которая разделяет эмотивную лексику на три класса: аффективы, коннотативы и потенциативы. Понятие нечеткой эмотивности (fuzzy emotiveness) является попыткой упорядочить «ненормативные» приемы экспликации эмоций, которые появляются как ответ на несовершенство языка в категоризации мира.

В концепции нечетких множеств применительно понятие взаимозависимого возникновения, при котором каждое звено цепи обусловлено остальными звеньями, а модель человеческой жизни можно представить как «непрерывающееся, циклически повторяющееся стремление закрепить опыт в фиксированном и постоянном „я“» [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 233]. Используя образное сравнение Л. А. Заде, лингвистическая переменная представляет собой «саквояж с жесткими стенками и прикрепленным к нему ярлыком» [Заде, 1976, с. 18]: при помещении объекта в переменную он приобретает определенное значение, множество предметов, допустимых для помещения внутрь переменной подмножеств – значение переменной. Применение к эмотивности понятия нечетких множеств позволяет выделить два подвида: четкая и нечеткая эмотивность при условии, что эти переменные являются не сепарабельными (по Л. А. Заде), а взаимодействующими и пересекающимися, что нетрудно подтвердить примерами мены конвенциональными эмотивами их оценочной и узуальной эмоционально-смысловой составляющих.

М. К. Мамардашвили указывал, что намерение справедливости есть одно, а справедливость – другое [Мамардашвили, 2023, с. 24]. Транспонирование данного утверждения в сферу эмотивной лингвистики позволяет с уверенностью заявлять о том, что любая попытка вербальной систематизации некоторого материала приблизительно и онтологически не может являться истинностной. Проблема нечетких множеств соответствует сложности, через которую понимаются природа, человек, общество, мир, коммуникация. Человек – событие сложного мира, он коэволюционирует совместно с природой [Терентьева, 2015]. Усложнение общества ведет к усложнению его социальной организации, а также кодов, используемых членами общества. Поэтому коммуникация как средство взаимодействия между представителями усложненного общества становится более сложной (увеличение альтернативных форм и каналов общения, включение в привычные коды общения дополнительных семиотических образований, наделение привычных знаков новыми функциями, рост доли имплицитного как фактора успешной коммуникации и пр.), скорость общения растет, что также требует затраты больших усилий. Эти факторы указывают на нелинейность мира, в котором растет вероятность наступления маловероятных событий [Князева, 2016, с. 6].

Усложнение окружающей действительности приводит к усложнению мышления и создает новые средства объективации данной сложности. Это усложнение осуществляется на фоне кажущегося упрощения, что выражается, например, в уменьшении способов эмоционального реагирования на стимул, клиповости средств выражения эмоций, превалировании междометных реакций над сложными приемами экспликации эмоций.

Переизбыток эмоций каузирует их исчезновение, когда сверхнасыщение превращается в недостаточность. Попытки создать все более и более экспрессивные средства обозначения некоторого объекта по сравнению с уже имеющимися для интенсификации, например, отрицательного эмоционального отношения, имеют два превосходяемых следствия: с одной стороны, торможение экспрессивной номинации по причине субъективно ощущаемого истощения морфологических, лексических, грамматических ресурсов, а, с другой – нейтрализация ранее созданных номинаций.

Любой объект окружающей действительности (объективной или фикциональной) всегда связан с контекстом. Как отмечает С. Г. Золян, любая лексическая единица может выражать потенциально бесконечное множество различных значений, где смысл равно функция от текста и контекста [Золян, 2024, с. 208]. Отметим, что сопряжение телесности человека с окружающим миром представляет движение эволюции, а человек всегда остается ограниченным проложенным им самим путем (к примеру, органами перцепции). Однако предельной точки опоры, предопределяющей направление, глубину, особенности взаимодействия со средой не существует; организм и среда окружают, проникают друг в друга и проиходят друг из друга в замкнутом круге жизни [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 372–375].

Среда (*Umgebung*) постоянно взаимодействует с находящимся в ней объектом. Особенности данной среды отражаются на свойствах объекта. Пребывание элемента в отрицательной среде актуализирует в нем отрицательные валентности и наоборот (подражание, ненамеренная мимикрия и т. п.). Человек, помещенный в гиперэмоциональную среду жизни, также начинает реагировать эмоционально и гиперэмоционально вплоть до безразличия, нейтральности, деэмоционализации поведения, производной от чрезмерной эмоциональности.

Материал, методы, методология исследования

В рамках рассматриваемой проблемы эмоционализации VS гиперэмоционализации VS деэмоционализации коммуникативного взаимодействия интерес привлекает словосочетание *ноль эмоций* (усеченная форма от выражения *ноль эмоций, фунт презрения*). В словосочетании объединяются два измерения: логическое и субъективное: слово существует в множественности потенциальных смыслов как семантическая суперпозиция,

когда одна интерпретация семантики накладывается и сочетается с другой [Золян, 2024, с. 270].

Материалом исследования выступают контексты, актуализирующие и объективирующую семантические границы словосочетания *ноль эмоций*, представленные в Национальном корпусе русского языка, а также на открытых площадках поэтических, юмористических текстов и в публикациях пользователей «Живого журнала».

Одной из базовых характеристик эмоций является их двойственность и амбивалентность. Бинарные оппозиции представляют единое неразделимое целое, в котором один полюс условной шкалы предполагает другой и невозможен без него. Смежность бинарных оппозиций ярко проявляется, например, при анализе особенностей ассоциативных реакций на некоторый стимул, когда одной из наиболее частотных реакций на положительно оценочный стимул выступает отрицательно оценочное контрарное понятие (диады любовь и ненависть, друг и враг). Целесообразным представляется рассматривать явление деэмоционализации через аналогичный эффект смежности, при котором избыточная эмоциональность предполагает потерю эмоциональности; интенсификация эмоционального ощущается как «прощание с эмоциями», катарсис в себе и для себя, а нейтрализация эмоций происходит из их переизбытка. Аналогией сказанному выступает десемантизация слова как предел его семантического развития [Гак, 2003]. При этом десемантизация предполагает не только утрату семантики, но она запускает способствующую зарождению новых слов метафоризацию референта [Валеев, 2024, с. 13].

Отсутствие эмоций становится значимым, будучи показателем актуальных общественных тенденций девербализации, десемантизации и деэмоционализации общения:

Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признаю за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего не уважать. Да глупый человек и не может уважать.

Достоевский Ф. М. «Бобок»

Проблема девербализации и смежных явлений становилась объектом самостоятельных исследований [например, Клушина, 2013; Карасик, 2010; Кокошкина, 2011; Панкина, 2012]. Е. И. Морозова анализирует девербализацию через опосредован-

ное интернет-общение и выделяет следующие признаки представления информации в социальных сетях: сокращение времени на изучение, фокус на визуальное восприятие, сокращение и прерывистость сообщений [Морозова, 2016, с. 65–66], а восприятие ленты новостей превратилось в нечто хаотичное, лишенное структуры. Под девербализацией Н. И. Клушина [Клушина, 2014] предлагает видеть не только угрозу в виде примитивизации речи и возвращения к пещерному типу общения, но вызов медиапространства на пути усложнения через упрощение форм подачи информации. Говоря о девербализации эмоций, цитируемый автор обращает внимание не на отсутствие эмоций, их малость, а на невыразимость, неуловимость (по причине усложнения) эмоциональных переживаний / состояний. В своем исследовании В. А. Буряковская под девербализацией предлагает понимать сокращение лексического разнообразия, стилистическую ограниченность, слепое следование языковой моде [Буряковская, 2015].

Заметим, что эмоции выступают мотивационной основой сознания, а потеря эмоций предполагает немотивированную и / или недеятельную (по причине отсутствия мотивации) активность человека; интенция производна от мотивации, без которой действия прекращают быть намеренными, превращаются в реактивные, автоматические.

Язык отражает отсутствие эмоций по-особенному, поскольку отсутствие эмоций не равно нейтральность; но и нейтральность обладает амбивалентным потенциалом на позитивизацию и негативизацию общения (ср. далее пример эмотивного приращения семантики нейтрального слова *миндаль*). Значимое отсутствие эмоций – знак, к декодированию которого слушающий приглашается, поскольку слово не несет определенный смысл, а говорящий вкладывает его в слово [Золян, 2024, с. 183].

Результаты исследования

Ноль не является числительным, но обладает количественной семантикой, поэтому его использование применительно к слову *эмоция* указывает на попытку говорящего искусственно рационализировать свои эмоциональные переживания, которые остаются имманентно нечеткими, то есть задать эмоциональные векторы интерпретации эмоциональных переживаний. Кроме того, *ноль эмоций* – это символ, включающий в себя попытку индивида взять эмоции под контроль: эмоции помещаются в стилистически сниженную форму

выражения по аналогии с *ноль проблем, ноль внимания* и пр. (возможная калька английского *zero killed*, возможно, ставшего основой для междометия *ok*):

– *Извините, у нас места немного дальше. Не позволите ли вы нам пройти?*

Человек – ноль внимания. Они опять:

– *Молодой человек, вы нам мешаете пройти, если вы не уберете ноги – мы будем вынуждены позвать администратора.*

Ноль эмоций

(<https://www.anekdot.ru/id/389421/>).

Ноль эмоций выступает знаком безразличия, нейтральности, отсутствия эмоций или их класса (отрицательных или положительных). Данное выражение обнаруживает ряд категориальных особенностей эмоционального. Среди последних следует выделить их кластерность, пучкообразность, когда эмоции всегда переживаются комплексом с более или менее выраженным ядром, центром, доминантой:

Просто ноль эмоций, когда я в тот же момент разрывалась от их огромного множества.

(*Sofi Kiefer, Когда умеешь управлять людьми...*, 2020)

Количественное ограничение семантики слова *эмоция* не является типичным для лексической сочетаемости (ср.: *он испытывал три эмоции, пять эмоций...*), если речь не идет о научном дискурсе; подобные контексты объединения числительного и эмоций указывают на попытку человека выделить переживаемые им доминантные эмоции для собеседника, тем самым расположить коммуникативного партнера к взаимодействию внутри заданных эмоциональных векторов. Числительные отсылают к миру логики и анализа, а эмоции относятся к сфере чувственного опыта и синтеза, то есть происходит объединение двух измерений в форме рационализации эмоций.

Сочетаемость словосочетания *ноль эмоций* показывает, что состояние, номинированное данным способом, является повторяемым, привычным:

Или вот статейка о продюсере из Ливерпуля, который купил палаццо в Италии, – и опять: ноль эмоций

(*Сычева Л. А. Уже и больные замуж поехали*).

И вновь в пути... и что интересно, дикая нежить на меня, опять ноль эмоций и это, если честно, очень радует.

(*Юрий Москаленко, Путь одарённого. Ученик мага. Книга третья. Часть первая*, 2020)

– Красивая фотография, ты хорошо получаешься на снимках, но нет, это не я положил эту фотографию тебе на машину, – по-прежнему ноль эмоций.

(Юлия Леонтович, Легенда белой голубки.
Книга I)

В препозиции данного словосочетания рекуррентно располагается эмоционально маркированный элемент, отсылающий либо к конкретному эмоциональному переживанию / состоянию, либо к эмоциогенной ситуации, то есть *ноль эмоций* представляет реакцию на эмотив-стимул:

Но она на их ухаживания ноль эмоций, а обратила внимание на кума Петра (он, когда морда у него не побитая, очень даже интересно смотрится)

(Сычева Л. А. Вдвоем).

Как она его не устыжала, он ноль эмоций: «Я сказал, не вернусь к тебе, и всё тут!»

(Сычева Л. А. Уже и больные замуж повыходили).

В концепции лингвистики эмоций эмотив-реакция не только каузируется, но и предопределяется эмотивом-стимулом, например, положительный эмотив-стимул и положительный эмотив-реакция. Но данная схема (положительный ли отрицательный эмотив-стимул – нейтральная реакция) усложняет систему сочетаемости эмотивных знаков своей нейтральностью; нейтральность становится эмотивной, занимает место эмотивно маркированной реакции.

Тем не менее, *ноль эмоций* чаще становится ответом на отрицательный стимул, что представляет собой форму подавления (митигации) агрессивной деструктивной тональности общения:

Как выяснилось, мать он вообще не слушает, она орет на него, а он – ноль эмоций

(Форум на eva.ru).

Ноль эмоций может быть узуальным настолько, что превращается в черту характера:

Ей достался интроверт... Ноль эмоций, горстка слов

actstudio 2014-08-09 06:15:21

А внешне *ноль эмоций* оценивается не только отрицательно, но положительно:

Ты знаешь, почему я не пишу?

А нынче – ноль эмоций, не пишу, не трогает ничто и слава Богу,... бы между и вышла на реальности дорожку.

zadumina_oksana 2024-08-24 00:26:04

В современной поэзии прослеживается восприятие словосочетания *ноль эмоций* не как отсутствие, а наличие:

мои ноль эмоций скопились во мне мне трудно дышать и все видеть мне холодно даже когда я в огне как мне его не обидеть?

Ноль эмоций (Серафима Кумаревич) / Стихи.ру

Ноль эмоций есть результат аккумуляции, возможного погашения и неоднократного переживания, что подтверждает ранее высказанное предположение о деэмоционализации как результате сверхэмоционализации.

Кроме того, *ноль эмоций* представляет собой имя эмоционального состояния, что дает право рассматривать *ноль эмоций* внутри парадигмы нечеткой (сложной) эмотивности:

Ноль эмоций, только страх Пожирает мне кишки.

Ноль эмоций (Канделябр Без Свечки) / Стихи.ру

Соответственно, как и любое эмоциональное переживание, данное эмоциональное переживание подвергается интенсификации:

Я, между прочим, зарплату получил!
(ноль эмоций)

– И в должности меня повысили!!
(два ноля эмоций)

<https://otvet.mail.ru/question/8478895>

Интересный пример также находим среди комментариев пользователей «Живого журнала» по ключевому слову «ноль эмоций»:

А затем, когда точно поняла, что ... – перечитывание не вызывает никаких эмоций, – нужно письмо уничтожить (сжечь, ... – это типа символ того, что обиды ушли. ... На расстоянии ноль эмоций у меня (по крайней мере, отрицательных),... взвешенно рассуждать и анализировать.

kofevarka86 отправлено в работа_psy 2024-12-23 01:07:16

Ноль эмоций не столько нейтральное переживание, сколько неопределенное эмоциональное состояние без четкой доминанты, поэтому при употреблении данного словосочетания автор комментария конкретизирует, какой именно оценочный вектор испытываемых эмоций («по крайней мере, отрицательных») он отрицает.

Герой романа «Миндаль» (Сон Вон Пхён. Миндаль / перевод с корейского Г. Новоселов. – Санкт-Петербург: Polyandria NoAge, 2023. 287 с.)

с диагнозом алекситимия (отсутствие возможности или трудности, связанные с вербализацией эмоций [Hogeveen, et al., 2021; Williams, Wood, 2010; Koppelberg, et al., 2023]) рассказывает о пути взросления в мире эмоций, показывает, насколько эмоции и эмоциональные реакции важны в повседневной жизни современного общества и насколько неспособность эмоционально выражать свои переживания / отношения губительна для индивида, стремящегося интегрироваться в общество.

(1)

«В тот день один человек был ранен, шестеро погибли. Первыми жертвами стали мама и бабуля. <...> А мне оставалось лишь наблюдать за этой сценой, развернувшейся прямо перед моими глазами.

Не испытывая при этом никаких эмоций. Впрочем, как и всегда».

(2)

« – На фото плачет ребенок, он потерял маму. Как ты думаешь, что он сейчас чувствует?

Я не знаю, что ответить, и беспомощно поднимаю взгляд на сидящую рядом мать».

(3)

Для меня что радость, что грусть, что любовь, что страх – все было размытыми понятиями. И такие слова, как «чувство» или «сочувствие», казались мне не более чем просто непонятными закорючками на бумаге.

Автор художественного произведения пытается показать значимость сферы эмоций в современном мире, несмотря на кажущееся безразличие. Главный герой произведения превращается в своеобразный «эталон» безэмоциональности, для которого конвенциональные эмоциональные переживания представляют собой дискретное образование:

(4)

– Все теряет смысл, если часто повторять. <...> «Любовь». «Любовь». «Любовь». «Лю». «Боть». «Лююююбоофь». «Любофью». «Боть». «Боть». <...> И смыслы исчезали. Прямо как у меня в голове, которая изначально была чистым листом.

Отдельное внимание обращает на себя название («Миндаль»), которое интересно не только как пример реализации безграничных эмоционально-смысловых потенциалов приращения семантики, где нейтральное слово становится эмотивом, но и игрой слов: главный герой должен был есть миндаль, чтобы у него выросли миндалины, ответственные за переживание эмоций.

Поскольку опорное существительное всегда остается реляционным, даже если оно не является таковым по своему исходному словарному значению [Борщев, Парти, 2011], сопоставление словосочетаний *ноль эмоций* и *эмоций ноль* показывает, что первый элемент данных словосочетаний качественно характеризует второй, то есть *ноль эмоций* = нулевая эмоция, а *эмоций ноль* = эмоциональный ноль. Значит, *ноль эмоций* указывает на нейтрализацию эмоций, а *эмоций ноль* – на иное эмоциональное переживание.

Ноль эмоций представляет собой фразеологизированную конструкцию, семантика которой осложнена, а *эмоций ноль* – разговорное свободное словосочетание. Генитивные конструкции, состоящие из числительного или счетного существительного и существительного в родительном падеже [Жуковская, 1997], помимо их разговорной маркированности, являются отклонением от условной конвенциональной нормы, поэтому нуждаются в дополнительной интерпретации. Несмотря на то, что *ноль* не является собственно числительным, при сопоставлении словосочетаний *ноль эмоций* и *эмоций ноль* со словосочетаниями *пять человек* и *человек пять*, видно, что во втором случае конкретная семантика числительного размывается и становится приблизительной.

Если перенести данное семантическое преобразование на словосочетание *эмоций ноль*, можно предположить, что, в отличие от безразличия *ноля эмоций*, *эмоций ноль* суть крайняя шкала возбуждения, когда известных и узуальных средств для экспликации эмоций становится недостаточно; то есть это новая точка отсчета в пространстве сверхэмоционализации. Словосочетание *эмоций ноль* есть не отрицание, а утверждение иного, нового состояния, активность которого выше привычных говорящим эмоций.

Заключение

Анализ сочетаемости и коммуникативной реализации словосочетания *ноль эмоций* показал, что данное частотное эмоциональное переживание (частотность можно подтвердить данными сервиса Google Books Ngram Viewer, показывающего, что в современной художественной литературе его использование постоянно растет) указывает на значимое отсутствие эмоций, то есть на новое эмоциональное переживание, которое больше, чем безразличие или равнодушие. Изменение последовательности элементов внутри данного словосочетания (*эмоций ноль*) обнаруживает попытку объективации нового эмоционального полюса

сверхэмоционализации, когда уже доступные средства экспликации эмоций не соответствуют степени активности актуального эмоционального переживания / состояния. Кроме того, *ноль эмоций* показывает процесс развития эмоций: эмоциональные переживания накапливаются до определенного пика, после которого сверхэмоционализация сменяется на деэмоционализацию, формально указывающую на нейтральность, но содержательно выступающую способом выражения новых «нетипичных» эмоций.

Библиографический список

1. Борщев В. Б., Парти Б. Х. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Рос. акад. наук, Ин-т проблем передачи информ им. А. А. Харкевича ; отв. ред.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. Москва : Языки славянских культур, 2011. С. 95–137.
2. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград, 2015. 43 с.
3. Валеев Г. К. Десемантизация значения слова // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8. С. 7–15.
4. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт / пер. с англ. К. Тулуговой. Москва : Фонд «Сохрани Тибет», 2023. 456 с.
5. Гак В. Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня: Сб. ст. / под ред. Л. П. Крысина. Москва, 2003. Вып. 2. С. 88–97.
6. Жуковская Г. А. О значении генитивных предположений // Теоретические и прикладные проблемы обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями / Сборник материалов юбилейных Герценовских чтений 24–25 марта 1997 г. Санкт-Петербург : Образование, 1997. С. 199–200.
7. Заде Л. А. Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений; пер. с англ. Н. И. Ринго. Москва : Мир, 1976. 168 с.
8. Золян С. Т., Тульчинский Г. Л. Динамика смысла. Глубокая семиотика и стереометрическая семантика. Москва : Языки славянской культуры, 2024. 448 с.
9. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Москва : Гнозис, 2010. 351 с.
10. Клушина Н. И. Девербализация эмоций в современной медиакulturе // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник науч. тр., посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. С. 227–232.
11. Клушина Н. И. Стилистика молчания // Русская речь. 2014. № 4. С. 41–45.
12. Князева Е. Н. Предисловие // Инновационная сложность / отв. ред. Е. Н. Князева. Санкт-Петербург : Алетей, 2016. С. 4–6.
13. Кокошкина И. В. Лексическая десемантизация как явление принципиально разное в устном дискурсе // Филология и человек. 2011. № 1. С. 17–24.
14. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 576 с.
15. Мандрикова Г. М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. № 2. С. 68–73.
16. Морозова Е. И. Девербализация контента в социальных сетях, влияние на жанры современной медийной культуры // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 5. С. 65–68.
17. Панкина М. Ф. Десемантизация как процесс развития значения слова // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1. С. 83–85.
18. Погадай Е. В. К проблеме десемантизации высказывания в научном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 3. С. 158–168.
19. Терентьева И. Н. Человек перед лицом сложности: коммуникативные следствия антропного принципа // Антропологическая аналитика. сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2015. С. 33–35.
20. Hogeveen J., Grafman J. Alexithymia. Handb Clin Neurol. 2021. 183. P. 47–62.
21. Koppelberg P., Kersting A., Suslow T. Alexithymia and interpersonal problems in healthy young individuals // BMC Psychiatry. 2023. 688. P. 102–121.
22. Williams C., Wood RL. Alexithymia and emotional empathy following traumatic brain injury // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2010. 32. P. 259–267.

Reference list

1. Borshhev V. B., Parti B. H. Genitiv mery v russkom jazyke, tipy i sorta = The measure genitive in Russian, types and varieties // Slovo i jazyk : sb. st. k vos'midesjatiletiu akad. Ju. D. Apresjana / Ros. akad. nauk, In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova, Ros. akad. nauk, In-t problem peredachi inform im. A. A. Harkevicha ; отв. red.: I. M. Boguslavskij, L. L. Iomdin, L. P. Krysin. Moskva : Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. S. 95–137.
2. Burjakovskaja V. A. Kommunikativnye harakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on the Russian and English languages). Volgograd, 2015. 43 s.
3. Valeev G. K. Desemantizacija znachenija slova = Desemantization of word meaning // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 8. S. 7–15.
4. Varela F., Thompson Je., Rosh Je. Otelesnennyj um. Kognitivnaja nauka i chelovecheskij opyt = The embodied mind. Cognitive science and human experience / per. s angl. K. Tulupovoj. Moskva : Fond «Sohrani Tibet», 2023. 456 s.

5. Gak V. G. Predely semanticheskoy jevoljucii slov = The limits of semantic evolution of words // Russkij jazyk segodnja: Sb. st. / pod red. L. P. Krysin. Moskva, 2003. Vyp. 2. S. 88–97.
6. Zhukovskaja G. A. O znachenii genitivnyh predlozhenij = On the meaning of genitive sentences // Teoreticheskie i prikladnye problemy obucheniya i vospitaniya detej s ogranichenymi vozmozhnostjami / Sbornik materialov jubilejnyh Gercenovskih chtenij 24-25 marta 1997 g. Sankt-Peterburg : Obrazovanie, 1997. S. 199–200.
7. Zade L. A. Ponjatie lingvisticheskoy peremennoj i ee primenenie k prinjatiju priblizhennyh reshenij = The concept of linguistic variable and its application to making approximate decisions / per. s angl. N. I. Ringo. Moskva : Mir, 1976. 168 s.
8. Zoljan S. T., Tul'chinskij G. L. Dinamika smysla. Glubokaja semiotika i stereometricheskaja semantika. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2024. 448 s.
9. Karasik V. I. Jazykovaja kristallizacija smysla = Linguistic crystallization of meaning. Moskva : Gnozis, 2010. 351 s.
10. Klushina N. I. Deverbalizacija jemocij v sovremennoj mediakul'ture = Deverbalization of emotions in contemporary media culture // Chelovek v kommunikacii: ot kategorizacii jemocij k jemotivnoj lingvistike: Sbornik nauch. tr., posvjashhennyj 75-letiju professora V.I. Shahovskogo. Volgograd : Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2013. S. 227–232.
11. Klushina N. I. Stilistika molchanija = The stylistics of silence // Russkaja rech'. 2014. № 4. S. 41–45.
12. Knjazeva E. N. Predislovie = Foreword // Innovacionnaja slozhnost' / otv. red. E. N. Knjazeva. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2016. S. 4–6.
13. Kokoshkina I. V. Leksicheskaja desemantizacija kak javlenie principial'no raznoe v ustnom diskurse = Lexical desemantization as a fundamentally different phenomenon in oral discourse // Filologija i chelovek. 2011. № 1. S. 17–24.
14. Mamardashvili M. K. Besedy o myshlenii = Conversations about thinking. Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. 576 s.
15. Mandrikova G. M. Slovo v processe desemantizacii = The word in desemantization // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. S. 68–73.
16. Morozova E. I. Deverbalizacija kontenta v social'nyh setjah, vlijanie na zhanry sovremennoj medijnoj kul'tury = Deverbalization of content in social media, its impact on contemporary media culture genres // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2016. № 5. S. 65–68.
17. Pankina M. F. Desemantizacija kak process razvitiya znachenija slova = Desemantization as a process of developing the word meaning // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1. S. 83–85.
18. Pogadaj E. V. K probleme desemantizacii vyskazyvaniya v nauchnom diskurse = Towards the problem of statement desemantization in scientific discourse // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2021. № 3. S. 158–168.
19. Terent'eva I. N. Chelovek pered licom slozhnosti: kommunikativnye sledstvija antropnogo principa = Man in the face of complexity: communicative implications of the anthropic principle // Antropologicheskaja analitika. sbornik nauchnyh trudov. Nizhnij Novgorod, 2015. S. 33–35.
20. Hogeveen J., Grafman J. Alexithymia. Handb Clin Neurol. 2021. 183. R. 47–62.
21. Koppelberg P., Kersting A., Suslow T. Alexithymia and interpersonal problems in healthy young individuals // BMC Psychiatry. 2023. 688. P. 102–121.
22. Williams C., Wood RL. Alexithymia and emotional empathy following traumatic brain injury // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2010. 32. P. 259–267.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025